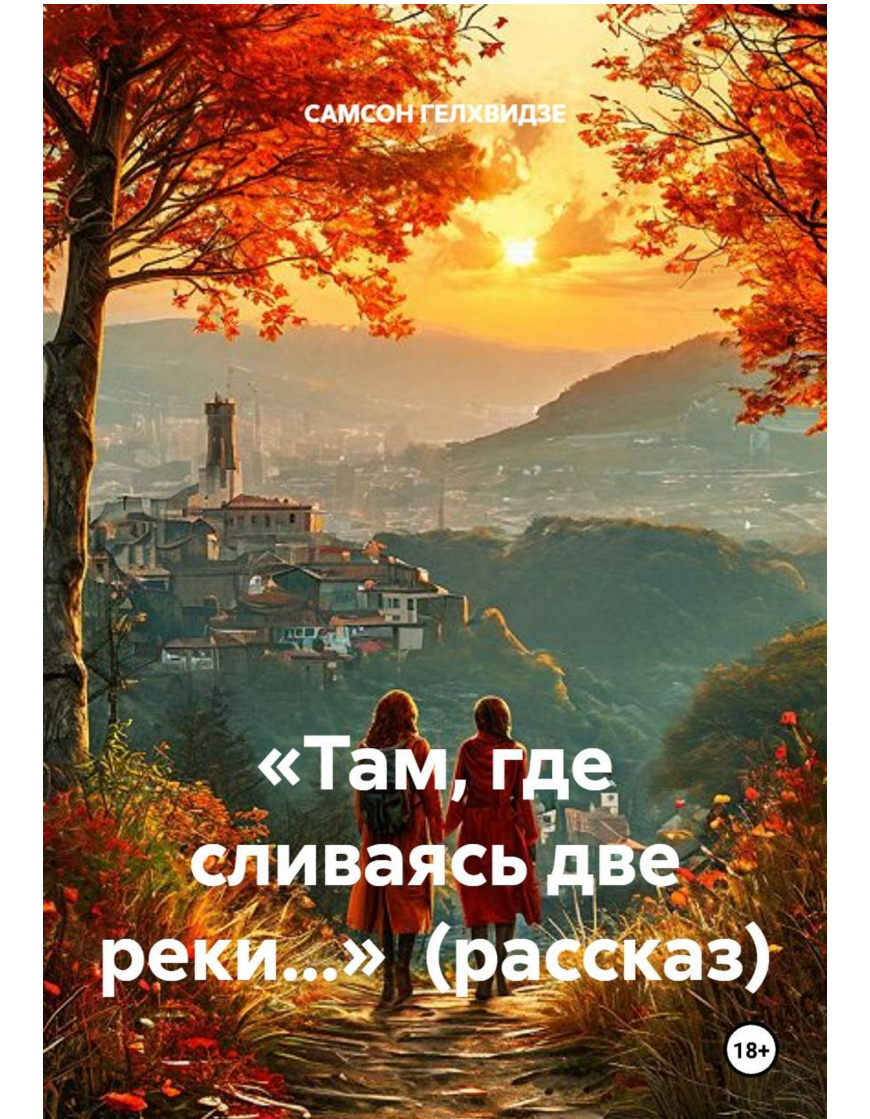

The background is a detailed landscape painting. In the foreground, two women with long hair, wearing red coats, are seen from behind, walking along a dirt path that leads towards a hill. The path is flanked by autumn foliage in shades of orange, red, and yellow. In the middle ground, a town is built on a hillside, featuring a prominent church with a tall, dark spire. The town's buildings are rendered in muted tones of grey and brown. Beyond the town, the landscape opens up to reveal a wide river valley. In the distance, another town is visible on the opposite bank, with several tall industrial chimneys emitting a hazy smoke. The sky is a vibrant orange and yellow, with the sun low on the horizon, creating a warm, golden glow that permeates the entire scene. The overall style is that of a classic landscape painting, with visible brushstrokes and a rich, atmospheric quality.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

**«Там, где
сливаясь две
реки...» (рассказ)**

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

«Там, где сливаясь две реки...» (рассказ)

<https://litres.ru/74393089>

SelfPub; 2026

Аннотация

Современный рассказ нашего времени, о любви, мире и дружбе между людьми разных стран, которые преодолевают разные препятствия на пути достижения своих целей

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

«Там, где сливаясь две реки...» (рассказ)

Самсон Гелхвидзе: «Там, где сливаясь две реки...»

- (рассказ)

Раннее утро Тбилиси было особенным. Город просыпался медленно: первые лучи солнца мягко скользили по крышам старых домов, отражаясь в извилистых потоках Куры, которые шепчут свои древние истории. Камни мостов, отполированные веками, хранили отголоски шагов тех, кто прошёл здесь столетия назад. Шорох листвы в парках и лёгкий ветер, доносящий запах кофе с ближайшей улицы, создавали гармонию, где каждый звук был музыкой, каждый запах — аккордом, а каждый взгляд на город — приглашением к философскому размышлению.

Алексей стоял на набережной, наблюдая за течением реки, держа руки в карманах, ощущая лёгкую прохладу ветра. Его взгляд скользил по мостовой, где мастера снуют с корзинами, полными фруктов, свежего хлеба и ароматных трав. Рыночные запахи смешивались с ароматом утреннего дождя, недавно пролитого на камни старого города. Здесь русский язык, с ко-

торым он вырос, звучал в его памяти как песня, эхом переплетаясь с грузинским, который он только начал понимать через музыку слов Руставели.

— Как два мира, два потока... — тихо пробормотал Алексей, — которые встречаются, сливаются и создают что-то новое...

Он думал о Пушкине, о силе русского языка, о том, как каждое слово несёт в себе историю, эмоцию, память. И в то же время он ощущал Руставели, его величие, горный и сильный, как сама земля Грузии, где каждый звук рождается словно в унисон с природой.

Птицы, пробуждающиеся в садах и парках, пели свои утренние трели. Голуби на крышах старого города перекликались с криками чаек над рекой. На рынках торговцы выкрикивали цены на фрукты, овощи, сыры и пряности. В воздухе витали запахи свежего хлеба, трав, жареного кукурузы. В этом смешении Алексей слышал не только шум города, но и музыку двух культур, двух языков, которые переплетались в его сердце.

Он сделал несколько шагов по мостовой, где камни были отполированы веками и скользили под ногами. Каждый шаг отзывался эхом в его душе, напоминая о том, что слова — это мосты между людьми, эпохами и мирами. Здесь он впервые ощутил, что любовь, язык и культура могут соединяться, как воды двух рек, со-

здавая гармонию и смысл.

Алексей остановился у старого фонтана, украшенного резными камнями и фигурами львов. Вода плескалась тихо, создавая ритм, который, казалось, совпадал с биением его сердца. Он закрыл глаза и подумал о том, как странно и чудесно переплетаются его судьба и города, два языка и две культуры, два сердца, которые ждут встречи.

— Каждый звук, каждое слово... — пробормотал он, — это как песня, которую я слышу внутри. И я хочу, чтобы эта песня никогда не прекращалась...

Мимо проходили люди: старики с тростями, молодые пары, студенты с книгами под мышкой, торговцы с корзинами фруктов и цветов. Каждый из них был частью этого города, частью этой музыки, частью той истории, которую Алексей так остро ощущал. Он понимал, что Тбилиси — это не только камни, мосты и реки, но и дыхание народа, его слова, смех, слёзы и песни, которые несут память и культуру через века.

И тогда он впервые ощутил, что пришёл в место, где два мира — его родной русский и новый, грузинский — могут встретиться. Здесь, на этой набережной, между рекой и его небольшим притоком, в сердце старого города, родилась идея, что любовь, культура и язык — это силы, способные соединять людей, несмотря на расстояния и преграды.

Алексей сделал вдох, полный ароматов города: пряности, хлеб, травы, цветы, влажная земля после дождя. Он знал, что впереди будут встречи, испытания, любовь, борьба, но именно здесь, на этом мосту, он понял одно: два мира могут сливаться, как две реки, как два языка, как два сердца. И что каждый шаг, каждое слово, каждый взгляд будут частью этой гармонии, этой великой встречи культур, истории и любви.

Библиотека дышала тишиной и запахами старых страниц. Алексей осторожно продвигался между стеллажами, держа в руках толстый том по средневековой грузинской литературы. Он искал материалы о языке Пушкина на родине Руставели, сочетая интерес к Пушкину и Руставели, и чувствовал, что без чужой помощи может заблудиться.

Нино стояла у соседнего стеллажа, погружённая в том Пушкина. Она была студенткой-филологом, Пушкинологом, работала над дипломным проектом. Вдруг её взгляд пересёкся с Алексеем, и внутри неё что-то резко сжалось: чужестранец, посторонний, вмешивающийся в её академический мир.

— Извините... — осторожно начал Алексей, — Вы не подскажете, где можно найти материалы о языке Пушкина на родине Руставели?

Нино подняла глаза, холодно оценив его. Он стар-

ше, увереннее, и явно не из её круга. Её раздражение мгновенно вспыхнуло.

— Я сама ищу книги для дипломного проекта, — сказала она прохладно. — Но если вам нужны точные издания, вам лучше обратиться к сотрудницам. Они сидят у стойки у входа. С ними можно уточнить, где что лежит.

Алексей кивнул, слегка улыбаясь:

— Спасибо... Я пробовал сам, но понимаю, что мне нужна помощь.

Нино отвела взгляд к своим страницам, но продолжила наставлять его, сохраняя холодный тон:

— Там три сотрудницы. Одна отвечает за старые издания, вторая — за рукописи и редкие книги, третья — за новинки и периодику. Если скажете, что ищете «язык Пушкина на родине Руставели», они поймут, что искать. Я сама туда не хожу — работаю с современными источниками.

Алексей кивнул, внутренне благодарный за точные инструкции. Их взгляды встретились на мгновение, и Нино быстро отвела глаза, возвращаясь к своей книге. Антипатия осталась: чужак, непрошлый, опытнее... Но она почувствовала, что через эту общую тему — язык Пушкина на родине Руставели — их пути могут пересечься снова.

— Спасибо, — тихо сказал он, — приятно встретить

кого-то, кто знает библиотеку лучше, чем я.

Нино кивнула холодно, чуть медленнее, чем обычно, сохраняя дистанцию, но внутренне удовлетворённая тем, что её знание оказалось полезным, пусть и чужаку.

После того как Алексей ушёл к библиотекарям, Нино продолжила работу над своим томом Пушкина, но мысли её всё ещё возвращались к нему — постороннему, уверенно ищущему Руставели и одновременно упомянутому Пушкина. «Станный человек...» — думала она, встряхивая голову.

Через час Алексей вышел из библиотеки, держа в руках несколько томов. Он шёл по узкой улице старого квартала, погружённый в свои заметки. И вдруг — почти как знак — Нино оказалась на той же улице, спешащая в своё любимое кафе с ноутбуком и книгой.

Он заметил её сразу. Сердце учащённо забилося.

— Нино! — позвал он, не совсем уверенно, но с искренним интересом. — Мы встречались в библиотеке. Вы мне подсказывали про сотрудников.

Она замерла, слегка нахмутив бровь: «Чего он здесь хочет?»

— А, да... — холодно, но сдержанно сказала она, не останавливаясь полностью. — Вы нашли нужные книги?

— Да, спасибо вашему совету. — Алексей сделал шаг ближе, не теряя уверенности. — Но я подумал, что нам стоит обсудить тему, о которой мы говорили: язык Пушкина на родине Руставели. Это уникальная точка пересечения наших интересов, и... мне было бы интересно услышать ваше мнение.

Нино слегка замерла. Она не ожидала, что он проявит такое упорство и настойчивость. Её антипатия всё ещё жила: старше, опытнее, уверенный в себе... но его энтузиазм был заразительным.

— Я... — начала она, подбирая слова, — я занята дипломным проектом, и времени мало.

— Я понимаю, — улыбнулся Алексей, — но можем просто обсудить это за кофе? Я не буду отнимать много времени.

Она посмотрела на него: глаза его были открыты и внимательны, искренний интерес читался в каждом движении. Она внутренне сопротивлялась, но понимала, что разговор может быть полезен — и интересно.

— Ладно, — сказала она сухо, — пять минут. Не больше.

Они зашли в кафе, сели за столик у окна. Алексей раскрыл свои заметки, показывая, как он сопоставляет Пушкина и Руставели. Нино сначала слушала с холодом, сдерживая эмоции, но постепенно начала за-

мечать глубину его анализа и увлечённость темой.

Он говорил с энтузиазмом, глаза горели интересом, а каждое слово было словно мостом, соединяющим два мира — её академический Пушкин и его исследовательский Руставели. Нино оставалась осторожной, но в уголках сознания уже зарождалось понимание: он действительно способен её удивить.

— Ну что ж, — сказала она наконец, — возможно, мы действительно можем обсудить это вместе... на короткое время.

Алексей улыбнулся, чувствуя победу: первый шаг к настоящему диалогу сделан, и мост между их интересами — язык Пушкина на родине Руставели — начал соединять их миры.

Кафе было тихим, почти пустым, лишь лёгкий шум кофемашины и звон чашек нарушал спокойствие. Алексей разложил перед собой заметки, аккуратно поставил том о Руставели рядом с её Пушкиным.

— Смотрите, — начал он с лёгкой улыбкой, — я пытался сопоставить обороты языка Пушкина с тем, что использовал Руставели. Интересно, как некоторые конструкции похожи, хотя века и культуры разные.

Нино нахмурилась, сдерживая раздражение: «Он опять старается показать свой опыт...» Но она скеп-

тически наклонилась к его заметкам.

— Ммм... — сказала она сухо, — у вас интересно, но я сомневаюсь, что прямое сопоставление возможно. Контекст разный, стиль разный.

— Именно! — оживился Алексей, видя, что её внимание зацеплено. — И всё же есть общие элементы. Например, использование метафор, ритмика, даже отдельные конструкции. Если правильно подойти, можно показать влияние языка Пушкина в контексте Грузии.

Нино посмотрела на него внимательнее. Его энтузиазм был замечен, но он не пытался её принизить или спорить ради спора.

— Ладно... — сказала она, слегка смягчая тон, — да, интересно. Но всё равно я буду держать критический подход. Это диплом, знаете ли.

— Конечно, — кивнул Алексей, — я не прошу вас соглашаться со мной. Просто хочу услышать мнение специалиста, Пушкинолога.

Нино чуть улыбнулась про себя. Он называл её специалистом, уважал её позиции, и это пробивало её внутренний барьер.

— Тогда хорошо, — сказала она, уже чуть теплее. — Посмотрим, что у вас получилось. Но предупреждаю: я буду задавать много вопросов.

— С удовольствием, — ответил Алексей, и в его го-

лосе звучала искренняя радость. — Чем больше вопросов, тем лучше для обоих.

И так начался их совместный разбор материалов. Алексей объяснял свои находки по Руставели, Нино критиковала и уточняла по Пушкину. Каждый обмен фразами держал их на дистанции, но постепенно мост между их интересами становился крепче. Она по-прежнему была осторожна, но её антипатия начала смягчаться перед искренним интересом Алексея и тем, как он увлечённо рассуждал о языке и литературе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.